

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра теоретической и социальной философии

Татьянин Олег Олегович

**Практики телесности в политическом пространстве современного
общества**

НАУЧНЫЙ ДОКЛАД ОБ ОСНОВНЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ
ПОДГОТОВЛЕННОЙ НАУЧНО-КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ
(ДИССЕРТАЦИИ)

аспиранта 3-го года обучения направления 47.06.01 Философия, этика и
религиоведение (направленность «Социальная философия»)
философского факультета Татьянина Олега Олеговича

Научный руководитель
доцент кафедры
теоретической и социальной философии
кандидат философских наук, доцент _____ Д.А. Аникин

Заведующий кафедрой
доктор философских наук, профессор _____ В.Б. Устьянцев

Саратов 2019

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность диссертационного исследования. Каждую эпоху, в зависимости от культурно-исторических условий, специфическим образом сложившихся благодаря бесчисленному количеству объективных факторов, характеризует определенное отношение участвующих в ней индивидов к различным сферам своей жизни. И современное постмодернистское общество не является исключением. Характеризуется оно несколькими важнейшими параметрами: большая политическая активность и большие инвестиции в политическую деятельность со стороны индивидов; приоритет знаний, образования и научных исследований. Исходя из этого весьма интересным оказывается вопрос об изменениях, происходящих в сфере взаимодействия между государством, как инстанцией по реализации политической власти, и индивидами, как неизбежных участников политических отношений и тех, в сторону кого эта власть реализуется. Трансформация эта приводит ко все более нарастающему и приобретающему тотальный статус биополитическому аспекту, проявляющемуся в политизации частной и интимной жизни человека, и в особенности оказывающего влияние на процесс конструирования индивидом представления о своем собственном теле, и предпринимающего различного рода средства по манипулированию этим телом. Таким образом, в такой депривационной ситуации, предоставляющей перманентный дискомфорт всем сферам индивидуальной жизни, у человека естественным образом возникает потребность к осуществлению практики по компенсированию и преодолению выше названных в свой адрес интенций со стороны политической власти.

В работе произведен анализ следующих вопросов: специфика формирования человеческой телесности в рамках современного постмодернистского общества; концептуализация и рассмотрение практик телесности, совершаемых в рамках современных биополитических взаимоотношений; категоризация и каталогизация современных стратегий власти, формирующихся по отношению к индивидам; условия включения тела индивида в пределы политического пространства. Изменяющиеся условия включения индивида в сферу биополитических отношений более принудительным и репрессивным, однако не менее латентным образом, демонстрирует повышение значимости и важности данной проблемы для повседневной жизни человека и неизбежно формирует изменение предпочтений относительно уделения внимания тем или иным вопросам, которые перед ним встают, возводя последний на более высокую ступень в иерархии, давая тем самым возможность для моделирования дальнейших перспектив в изменениях социальных практик индивидов. Результаты исследований будут полезными для дальнейшего развития некоторых направлений социальной философии, которые занимаются исследованием общества постмодерна и современными вопросами биополитики, так как вопросы практик телесности не могут быть рассмотрены без учета этих тенденций в процессе вышеприведенных трансформаций и вообще без учета тех стратегий, которые осуществляет по отношению к индивидам политическая власть. Тема актуальна для методологии

междисциплинарных исследований, так как данная работа представлена на стыке социальной философии, социальной антропологии, и актуальных проблем политологии и философии политики. Исследование носит прикладной характер для сферы частной жизни человека, предоставляя ему инструментарий для продуктивной социальной практики и деятельности. В контексте выше сказанного осуществляется необходимость осмысления практик телесности как особого способа преодоления деприваций в социально-политическом пространстве современного общества.

Степень научной разработанности проблемы. Потребность постановки проблемы телесности впервые остро начинает появляться при попытке ввести в категорию объектов философского анализа феномены, на протяжении длительного времени вытеснявшиеся тоталитарной формой мышления эпохи Просвещения, которая абсолютизировала разум и все продукты его деятельности как единственный достоверный способ взаимодействия с миром, поэтому телесность являлась по преимуществу объектом маргинальной мысли в трудах таких мыслителей, как Ф. Ницше и С. Кьеркегор, которые теоретизировали телесность как невозможность полного отделения автономного субъекта от актов «чувственного», стихийного характера, т. е. состояний, в которых уже неуместно говорить о волевых качествах субъекта, и выражалась в художественных произведениях таких «аффективных» писателей, как М. де Сад, Лотреамон, А. Арто, которые под влиянием наличия чувственного, как неизбежно присутствующего в субъекте, проявили интерес к чувственности патологического характера. И именно эти писатели небезосновательно стали объектами тщательного анализа со стороны многих континентальных философов XX века, занимающихся проблемами концептуализации телесности. Среди этих философов Ж. Бодрийяр, который считал телесность причастным к механизмам конституирования и идентифицирования в процессе интенционального взаимодействия со средой, и М. Фуко с его археологическим подходом, для которого трансформация сексуальности, начиная от античности, проходя через репрессивное подавление эпохи Просвещения, и дошедшей до наших дней в уже более откровенном и перверсивном виде, оказывает неизгладимый след на процесс телесной идентификации. Немаловажную роль в процессе формирования телесности сыграл З. Фрейд своим главным, как нам кажется, эпохальным открытием, а именно установлением релевантной связи между энергетикой и семантикой, то есть инстинктивными напряжениями тела и культурно опосредованными цепочками значений в виде языковых выражений и выразительных жестов.

Важнейшей предтечей современных социокультурных трактовок телесности выступает постфрейдовский психоанализ, представленный творчеством Ж. Лакана. В сущности, своей теорией о «стадии зеркала» Лакан заложил основы представлений о теле как особой карте, на которую по мере вхождения человека в зрелое состояния наносятся базовые социокультурные значения. Это картографирование тела способствует одновременному отлаживанию моторных способностей телесности, интеграции «раздробленного тела» в законченную структуру и узнаванию младенцем собственного лица. Как

пишет Ж. Лакан, «восторженное принятие своего зеркального образа существом, еще погруженным в двигательную беспомощность и зависимость от питания, каковым является маленький человек на этой стадии *infans*, отныне покажется нам открывающей в образцовой ситуации символическую матрицу, в которой я (*je*) застывает в первичной форме перед тем, как проявится в диалектике идентификации с другим, и как язык придаст ему в ряду универсала его функцию субъекта»¹.

В рамках философии постструктурализма была осуществлена экстраполяция лакановского взгляда на тело за пределы собственно психоаналитической проблематики. Если Лакан был занят выявлением трансцендентально-феноменологических условий, при которых возможен опыт и представления индивида о собственном теле, то М. Фуко, Ж. Делез, Ж. Бодрийяр, Ж.-Л. Нанси и другие² представители постструктурализма перешли к выявлению социокультурных условий создания телесной карты. Антиплатоновский тезис Фуко о теле как пленнике души³ можно считать постструктуралистским прочтением основополагающей интуиции Лакана. Кроме идей Лакана на постструктуралистов повлияли сочинения А. Арто и Ж. Батая, выразивших в первой половине XX века литературно-философскую реакцию на отсутствие тематики тела в официальной культуре⁴.

В современных социальных отношениях тело приобретает характер проектной системы отношений между искусственными средствами означивания со стороны институциональных общественных объединений и плотью с целью формирования определенного образа тела. Под конкретными институциональными общественными объединениями, использующими тело как поверхность для реализации своих стратегий, понимаются медицина с протезированием и имплантацией к М. Фуко, фитнес индустрия и салоны красоты с косметологизированием и эстетизацией в современном социально-потребительском контексте у Ж. Бодрийяра, экономика с эксплуатацией и функционализацией у К. Маркса и Д. Агамбена, цифровые медиа с медиализированием у Д. Кампера.

Рационализация тела в стратегиях производства на Западе в течение длительного исторического времени сводилась к осуществляемой без всякого специального плана социокультурной селекции индивидов, среди которых спросом на рынке пользовались те, чья рабочая сила могла быть применена в той или иной сфере производства. Учитывая тот гигантский масштаб, который приобрела система производства в конце XX века, можно считать, что продуктивизация в конечном итоге оказалась навязана всем — живым и мертвым, разумным и неразумным, белым и представителям иных рас, здоровым

---

¹ Лакан Ж. «Стадия зеркала» и другие тексты. Париж, 1992. С. 10—11.

² Например, Р. Барт исследовал телесные стратегии письма. Для постструктурализма крайне важен его тезис «Мое собственное тело исторично». См.: Барт Р. Избранные работы: Поэтика. Семиотика. М., 1989. С. 568.

³ Фуко высказывается в провокативной форме: «Душа — тюрьма тела». См.: Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 46.

⁴ Арто А. Театр и его двойник. М., 1993; Батай Ж. Ненависть к поэзии: Романы и повести. М., 1999; он же. Внутренний опыт. СПб, 1999; он же. Положения (из журнала «Ацефал») // Ступени. Петербургский альманах. 2000. № 1 (11). С. 65—69.

и инвалидам. Тем не менее сами методы продуктивизации телесности были в наиболее четкой форме апробированы лишь в эпоху фабричной промышленности, то есть в закрытых производственных средах. Продуктивизация телесности сводилась к дисциплинированию и рационализированию действий работников, внедрению механизмов надзора прямо на рабочее место, все более мелочному вниманию к каждой производственной операции и каждому жесту работника. Менеджерские технологии рационализации труда, которые стали применяться в век высоко механизированного производства, объективно привели к формированию теларобота, то есть такого типа работника, чье творческое участие и самостоятельность на рабочем месте сведены к нулю, чья субъективность целиком сводится к следованию инструктивных предписаний, а физическое участие в трудовом процессе к выполнению все более стандартизированных и частичных операций.

В работах отечественных мыслителей тело рассматривается как поле для возникновения деформаций и интерес смещается на поиск вписанного в пределы телесности следа деформации и динамики. В подобном ключе телесность рассматривается в трудах М. Ямпольского и М. Рыклина. В трудах Д. В. Михеля дается детальный анализ медицинских практик телесности и уровня влияния на последние социальных условий.

Для определения понятия практик телесности прототипическим образом выступает кинизм с его ярчайшим представителем Диогеном Синопским, философствование которого заключалось в попытках демонстрации недискурсивной контраргументации, то есть телесно-кинестетической активностью, по отношению к устоявшимся нормативным рамкам как последствию политики нормализации. Последующее развитие практики телесности получили в трудах Г. Тарда с его концепцией законов подражания как действий со стороны индивидов, имитирующих социальные практики других с целью интроекции. Здесь берет свое начало образ мышления, видящий источник всех социальных процессов в мимезисе, или миметических практиках, в которых тело выступает основным средством социализации. Дальнейшее развитие данного образа мышления происходит в работах К. Вульфа, для которого процесс генезиса онтологического статуса социального как такового осуществляется на стыке миметических, ритуальных, и перформативных практик, и Р. Жирара, который в процессе исследования обряда жертвоприношения демонстрирует невозможность автономного существования священного без наличия в нем постоянного насилия, и наоборот, и выводит на первый план фигуру соперника («другого») как того, кто конституирует для субъекта приоритетные желаемые объекты. В контексте постмодернистского взгляда на телесность Ж. Бодрийяр рассматривает последнее как знак, скрывающий за собой отсутствие смысла, как симуляцию. Отдельной и немаловажной линией мышления практик телесности выступают труды представителей теории практик в лице П. Бурдьё, М. Мосса, Н. Элиаса, Б. Латюра, А. Макинтайра. П. Бурдьё разрабатывает понятие габитуса как системы приобретённых схем, действующих на практике. Н. Элиас прослеживает процесс

трансформации телесных практик, делая акцент на исторический вектор исследования, и наблюдая опосредованность этих трансформаций соответствующими эпохе господствующими идеологическими тенденциями.

Представители немецкой постструктуралистской мысли в лице В. Флюссера, П. Слотердайка и Д. Кампера концептуализируют стратегию власти, названную ими «седированием» как навязыванием обществу оседлого образа жизни, и отталкиваясь от нее, формируют акцент в телесных практиках на преодоление данной стратегии. Кампер предлагает практику «мышления-телом» как менее неудовлетворительной инстанции для руководства к действию.

Помимо К. Маркса, рассматривающего практики телесности в ракурсе капиталистических производственных отношений, стоит также упомянуть: М. Хардта и А. Негри, которые в рамках сформулированной ими концепции множества рассматривали тело индивида как оружие, которое он использует с целью преодоления биовласти; П. Вирно, который видит в теле заложенную в его границы потенцию на реализацию рабочей силы и как конечную цель стратегий власти, исходя из чего телесные практики формируются в русле заданных взаимоотношений; Т. Иглтона и Ф. Джеймисона, в трудах которых происходит интерпретация телесных практик с точки зрения неомарксистского толка.

Отдельного внимания заслуживает оригинальная концепция стратегий и практик, сформулированная М. де Серто, в которой индивиды, которые именуются философом как пользователи или потребители, ведут постоянную борьбу, сопротивляясь господствующему порядку, пытаясь освоиться в навязанном пространстве, превратить его в свое. Интересна сравнительная конфронтация подобного рода рассмотрения практик сопротивления в концепции М. Фуко, предлагающего метод «жесткого сопротивления», и М. де Серто, предлагающего в противовес первому метод «мягкого ухода».

Проблематика политического пространства, его структуры и генезиса, зависимости от различного рода институтов, начинает рассматриваться М. Хальбваксом, который теоретизирует его на основании истории и логики формирования городского пространства, пытаясь связать воедино причины демографических изменений и условия социальных практик. Подобный же взгляд на возникновение пространства продолжает П. Бурдьё, рассматривая политическое пространство, как одну из частных форм более крупного универсума, называемого символическим пространством. Символическое пространство конституируется в процессе присваивания и захвата акторами в процессе реализации своих социальных практик в физическом пространстве, осуществляя таким образом некое наложение одного на другое. Подобное эмпирическое концептуализирование политического пространства в неявной форме прослеживается во взглядах социолога Р. Парка, занимающегося исследованием изменений и структурно-функциональных особенностей социальных практик в рамках городской среды.

Более теоретическое социально-философское осмысление феномена пространства в целом, которое является базисом для формирования пределов политического пространства, осуществляется со стороны неомарксиста А.

Левефра, который производит попытку разрешения перманентной конфронтации между представлением пространства как данности физического мира, и пространством как нечто таким, что начинает существовать лишь в сознании индивида. По его мнению, пространство – это некий континуум, который конституируется в интегральном взаимодействии физического мира и сознания индивида, который является лишь бесконечно трансформирующимся динамическим процессом, запускаемым социальными интеракциями, в которых принимают участие индивиды, институты, сообщества. Интересны взгляды М. Фуко относительно того, что субъект может совершать те или иные дискурсивные или же телесные практики только осуществляя их в рамках того или иного дискурса, или с границ того или иного дискурса, что дает представление о пространстве (будь то политическое, или медицинское, и т.д.) как о том, что определяется характером совершаемых дискурсивных практик.

В отечественной философской мысли вопрос о политическом пространстве разбирался И. В. Ильиным в рамках более общего вопроса о социально-пространственной трансформации капиталистических производственных отношений. В трудах Азаренко С. А. в феноменологической традиции рассматривается процесс образования социально-пространственного топологического бытия посредством телесных взаимодействий людей.

Анализ проблемы биополитики в том виде, в котором она известна как латентное принудительное втягивание частной жизни человека в политическую и экономическую жизнь государства, начинается осуществляться в трудах М. Фуко. В 1970-е годы М. Фуко в лекциях для Коллеж де Франс рассуждал о таком типе управления, при котором дисциплинированию подвергаются не только индивиды, но и телесные практики населения вообще. Локальные акты регуляции могут касаться контроля гигиены, рождаемости, сексуальности. Желание управлять биологическим естеством граждан формирует новую, властную логику конструирования бытия. Д. Агамбен дополнил эту концепцию: биополитику в качестве властных решений можно обнаружить там, где регламентации подвергается жизнь человека в объединении его социальных и биологических аспектов. В свою очередь, П. Вирно предпочитает говорить о биополитике, апеллируя к Марксу и политэкономии. С его точки зрения такой тип управления — это отзвук капиталистических практик производства, где от физических кондиций рабочего зависит качество конечного продукта.

Специфической и необычной оказывается интерпретация биовласти с позиции М. Хардта и А. Негри, которые вписывают биовласть как составляющих сегмент стратегии капиталистических производственных отношений. Поэтому данный ход мысли призывает рассматривать конечную цель данной биовласти, то есть индивида, как средство для увеличения материального капитала и приумножения прибыли.

Проблема биополитики затрагивается плеядой французских мыслителей: Ж. Делёзом, который в соавторстве с Ф. Гваттари формируют концепт аппарата захвата государства, который смещает вектор мысли на милитаристское и тоталитарно-натуралистическое рассматривание индивидов как жертв или заключенных, и разрабатывают программу номадологии как попытки

ускользнуть от аппарата захвата, П. Кластра, который считает изначально антагонистическими взаимоотношения между обществом и государством и обрекает их на перманентную полемику и невозможность легитимного консенсуса.

Объектом исследования является трансформация повседневной частной жизни человека в результате наслоения на неё современных постмодернистских интервентных стратегий

Предметом исследования выступают стратегии власти в современном обществе и особенности изменения практик телесности в процессе взаимодействия индивида с политической властью.

Целью работы является выявление проблемы трансформации практик телесности сквозь призму наслаивающихся на них (пост)модернизированных стратегий власти в политическом пространстве современного общества.

Достижение поставленной цели предполагает реализацию следующих исследовательских задач:

1. Проследить в истории философской мысли динамику становления феноменов телесности.

2. Выявить биополитический характер конструирования телесности человека.

3. Концептуализировать практики телесности в политическом пространстве на основе анализа влияния стратегий власти и взаимодействия с политической властью.

4. Определить условия и пути трансформации практик телесности в современном постмодернистском обществе с позиции стратегий власти.

5. Провести анализ сегментов политической власти: институциональных объединений; политического насилия; технологий присвоения жизни индивида; выявить их влияние на частную жизнь человека в современном обществе и на конструирование соответствующих новых практик телесности.

Методологическая база исследования. Методы, используемые в работе для решения поставленных задач, можно объединить в несколько основополагающих подходов.

Теоретическую и методологическую базу диссертационной работы составляют исследования отечественных и зарубежных философов (в особенности *постструктуралистского направления*). Наиболее важными мировоззренческими источниками диссертации стали сочинения М. Фуко, Д. Агамбена, Б.В. Маркова.

Проведение данного исследования потребовало применения комплексной методологии. Теоретическому анализу подлежит историко-философское наследие, в котором отражаются предшествующие этапы становления вопросов практик телесности. С другой стороны, необходимо теоретико-методологическое решение вопроса о путях исследования стратегий власти и феноменов телесности в современном обществе. Таким образом используется историко-философский метод, позволяющий выявить основания стратегий власти и феноменов телесности, а также установить основные предпосылки для их исследования в современном обществе. Для установления специфики

современных теоретических подходов применяется *метод компаративистского анализа* социально-философских концепций и направлений.

В исследовании также используется концепция *теории постмодернистского общества*, диссертант опирается на теоретические положения об обществе постмодерна Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Бодрийяра, У. Эко, работы, посвященные отдельным аспектам особенностей социальной среды постмодернистского общества представлены К. Касториadisом, С. Жижеком, А. Бадью, Ж.-Л. Нанси. Для изучения влияния постмодернизма на изменяющийся характер репрезентации практик телесности в обществе был использован подход представителей *исторической антропологии*, представленный в работах К. Вульфа, Д. Кампера, и иных представителей современной антропологической мысли: Ф. Дескола, Р. Жирара.

На протяжении всей диссертационной работы находят отражение некоторые *методологические установки теории практик*, в частности идеи, реализованные в работах Б. Латура, Н. Элиаса, а также *деятельностный подход* А. Лефевра, заключающийся в акценте на значимости пространства в процессе воспроизводства производственных отношений.

Научная новизна:

1. Основываясь на истории философской мысли, продемонстрирован авторский анализ феномена телесности в современном обществе.

2. Выявлены аспекты формирования телесности человека, связанные с политикой нормализации.

3. Выявлены тенденции трансформации практик телесности в результате повсеместного влияния биополитики в современном обществе, проведен анализ оснований для концептуализации стратегий власти в рамках методологии социально-философских исследований.

4. Определены условия и пути трансформации практик телесности в современном обществе с позиции меняющихся стратегий власти, которые действуют на индивида в политическом пространстве и непосредственно выражают свое влияние на бытие человека во всех сферах его частной жизни.

5. Введено понятие «интервентных стратегий», которое выражает насильственный и перманентный характер стратегий власти и бесконечных попыток по преодолению последних со стороны индивидов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Анализ развития философских представлений о феномене телесности в историко-философском процессе показал, что данный аспект конструируется практически всеми формами человеческой деятельности: от социально-политических практик до идеологии. Недостаточно принимать телесность узко, необходимо искать в нем след репрессии, который неразрывно с ним связан, что дает нам возможность вскрыть насильственный характер повседневности.

2. Обозначены основные тенденции трансформации телесности в результате осмысления влияния на человека биополитики. Представление индивида о своей телесной идентичности, как и любой другой формы отождествления, происходит в результате интерактивного взаимодействия с устоявшимися в пределах конкретной эпохи капиталистических

производственных отношений нормативными рамками, которые субъект неизбежно инкорпорирует как резервуар при помощи механизмов миметического подражания.

3. Повсеместность влияния биополитики в современном обществе определяется потребностью заполучения тела индивида как средство реализации экономической выгоды в процессе осуществления своей потенции к рабочей силе, в связи с чем со стороны индивида появляется конфронтационная потребность в сопротивлении и преодолении подобного рода тенденций, которая выливается в определенную последовательную схему действий, имеющую тенденцию к закреплению при частой активизации, и перерастает в регулярную практику телесности как то, что призвано оказывать сопротивление биополитическому влиянию.

4. Биополитические стратегии современного общества носят инновационный характер, отходя от традиционных попыток осуществления влияния на индивида, и обзаводятся все более изощренными и все более эксплуатационными механизмами своих стратегий, которые перерастают в характер интервенций и схватываний. В результате формирования подобных инновационных стратегий власти происходит заметная трансформация телесных практик индивидов, меняющих привычные схемы своих действий на более эффективные и релевантные уловки и тактики. Попытка концептуализации в рамках методологии социально-философского анализа указанных стратегий власти указывает на все более повышающийся репрессивный и интервентный характер последних.

5. В современном обществе стратегии власти, осуществляющиеся в рамках политического пространства и приобретающие все более репрессивный и захватнический характер, получают название «интервентных стратегий», что исчерпывающе сообщает об инновационных тенденциях в программе биополитики. В таком перманентном репрессивном состоянии индивиды, совершающие соответствующие телесные практики, видят потребность по аналогии таким же латентным способом осуществлять инновационную трансформацию своих практик для подведения их под статус соответствующих стратегий. Так, можно наблюдать инновационную схему действий, которую можно было бы назвать «симуляцией телесности», призванную продемонстрировать и лишь показать институциональным общественным объединениям наличие у себя некоторых телесных аспектов, рассматривающихся со стороны стратегий власти как нежелательные и не прагматичные, то есть исключаются на основании этого из поднадзорности властей, но на самом деле подобными аспектами индивиды не обладают.

Апробация результатов исследования. Основные положения, результаты и выводы диссертационного исследования были изложены в докладах и выступлениях на научных конференциях, форумах и круглых столах различного уровня, среди которых:

Всероссийская конференция VII Аскинские чтения "Философия времени: онтологические начала и ценностные дискурсы" (Саратов, Саратовский государственный университет, 21 октября 2016г.); Международная научно-

практическая конференция «IV Садыковские чтения» «ЧЕЛОВЕК – ОБЩЕСТВО – ИСТОРИЯ – ПОЗНАНИЕ: КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ» (Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 17-19 ноября 2016г.) Международной научной конференции «Россия и Европа: особенности делового и научно-технического сотрудничества» (Саратов, Саратовский государственный университет, 21 декабря 2016г.); Ежегодная всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых по гуманитарным и социальным наукам «Общество. Человек. Риски.» (Саратов, Саратовский государственный университет, 10 февраля 2017г.); Ежегодная всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых по гуманитарным и социальным наукам «Многомерное общество и человек в XXI веке» (Саратов, Саратовский государственный университет, 22 февраля 2018г.).

Структура работы обусловлена задачами исследования. Диссертационная работа состоит из введения, двух глав (четырёх параграфов), заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертации, осуществляется постановка проблемы, раскрывается степень разработанности проблемы, обозначается понятийное поле исследования, формулируются цель и задачи, объект, предмет, методы исследования, представлены методологические основы диссертации, обозначены положения, демонстрирующие новизну и теоретико-практическую значимость работы.

В первой главе «Телесность в социально-философском знании. Праксиологический аспект» предпринимается попытка изложить суть понятия «телесность» в неклассических и постнеклассических типах рациональности. Проводится анализ возникновения и обозначается осмысление проблемы телесности в современном обществе, в частности в политическом пространстве.

Содержание **первого параграфа** «Дискурс телесности в европейской философии XX века» является теоретико-методологической основой диссертационного исследования. Дается описание подходов в неклассических и постнеклассических философских учениях к вопросу телесности. Проводится анализ возникновения и функционирования интереса современной философии к феномену телесности, рассматриваемого в тесной связи с понятием биополитики. Обозначается концептуальное поле осмысления заданной проблематики.

В случае обращения внимания на тело с точки зрения, если можно его так назвать, аффективного аспекта, который здесь не в последнюю очередь будет нас интересовать и детально рассматриваться, ситуация сложилась таким образом, что Эпоха Просвещения, исходя из этимологии слова, призванного эту эпоху именовать, осуществляла неосознанную стратегию абсолютизации человеческого разума и, как его апофеоза и крайнего с точки зрения прагматики следствия, результатов его продуктивного функционирования в виде артефактов человеческой деятельности (техники), способных оказывать воздействие на

окружающую среду. Вместе с разумом, возведенным в абсолют, такой же статус приобретает естественно-научный методологический аппарат как единственно достоверный и истинный способ установления деятельностно-ориентированных взаимоотношений с окружающим миром, который естественным образом поощряет все то, что имеет отношение к разуму, и порицает все то, что противостоит разуму и его единоличному главенству. Под категорию последнего как раз и вписывается названный выше многозначный термин «аффект» и любые чувственно-эмоциональные состояния, присущие последнему. И так как со времен становления субъективного идеализма с дуализмом как основным его атрибутом, основоположником которого является Рене Декарт, именно тело является тем мистифицированным резервуаром, неизбежно генерирующее и репрезентирующее вовне те самые аффективные состояния патогенного для разума характера, именно оно и становится объектом бесконечных попыток вытеснения из указанного пространства дискурсивных практик, называемых Новым Временем⁵. И также, как и любые попытки вытеснения более локального характера, будь то субъективно-психологический, национальный или общечеловеческий уровень, рано или поздно приводят к воспроизведения вытесненного, к его неизбежному возвращению. Бесспорно, что изначально она активизируется как механизм, работающий по принципу психической экономии и константности, пытаясь осуществить разгрузку из-за сложившегося диссонанса, однако на этом же этапе формируется и неизбежная невротизация, которая, без применения к ней достаточно компетентных ресурсов по нормализации, будет осуществлять проекцию интериоризированного и затушеванного объекта вовне, искать пути для высвобождения. И в конкретном случае высвобождение осуществилось на достаточно глобальном уровне в виде мировых войн и сексуальных революций, что повлекло за собой потребность радикального переосмысления природы человеческого естества и вынудило сместить исследовательский интерес на психоэмоциональный аффективный аспект и признать главенство подобных импульсов, что соответствующим образом изменило представление обо всех формах жизнедеятельности человека.

Во втором параграфе «Практики телесности и стратегии власти в постструктурализме» анализируется вопрос проблематики практик телесности в работах представителей постструктуралистской мысли. Проблематизация телесности в философии постструктурализма стала реакцией многих ведущих западных мыслителей второй половины XX века на общий кризис индустриальной цивилизации и сопровождающие его процессы социального, политического, экономического и общекультурного порядка. Непосредственным фоном, который окружал творчество таких постструктуралистских авторов, как Фуко, Делез, Бодрийяр, Нанси, были кризис государства благоденствия и всей общественной системы, основанной на активном государственно-бюрократическом вмешательстве в жизнь людей, регуляции их чувственности, эмоциональности, сексуальности, прямой и косвенной интервенции в пространство частного

---

⁵ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.-СПб. «Медиум» «Ювента». 1997.-312с.

существования. Начало перехода к постиндустриализму, контуры которого едва начали намечаться на рубеже шестидесятых и семидесятых годов, было воспринято как повод для новой обеспокоенности судьбами человека, чье телесное бытие было ввергнуто в поток новых трансформаций, смысл которых долгое время оставался неясным. Очень важно отметить поэтому, что проблематика тела, которую активно принялись разрабатывать постструктуралисты, была тесно связана с осмыслением всех этих процессов. Для постструктуралистского восприятия тело — это не естественная данность, а продукт социокультурного конструирования.

Во второй главе «Биополитика как политика тела: пространственное измерение» осуществляется определение локализованных участков, в рамках которых процедуры схватывания тела индивида происходят по определенным, сконструированным легальными конститутивными правилами, последовательностям действий.

В авторской концепции пространство оказывается конституировано модальностями практик. Поля у Бурдьё конституируются в пространстве исключительно из-за перераспределения в них тех или иных форм капитала, в то время как куда важнее, как считает автор, полемизируя с Бурдьё, для конституирования границ того или иного локального поля, места, пространства характер совместных телесных практик, реализующихся на его территории и в его границах.

В первом параграфе «Симуляция телесности в политическом пространстве» производится разработка вопроса о конкретной модальности телесной практики, осуществляемой в пределах локализованных полей и политических пространств, а именно – симуляции телесности.

В современной западной цивилизации по мере становления сферы услуг происходит кардинальное изменение в отношении человека к собственному телу. Ему приходится все чаще прибегать к таким практикам, которые позволяют приобретать имидж, пользующийся особым рыночным спросом, являющийся важным свидетельством его преуспевания, возможностей активной деятельности и играющий роль особой обязательной услуги, которую предоставляют друг другу индивиды при деловом общении. Главным элементом этого имиджа является тело, которое превращается в знак, предъявляемый индивидом аудитории. Это тело инвестируется комплексом популярных потребительских значений эстетического и физического плана, позволяющих трактовать его, главным образом, как продукт потребления. Однако, если в данном случае тело становится элементом семиотической системы, превращаясь в знак, предоставляемый социальной инстанции, с которой осуществляется интеракция, что говорит просто об опосредованности телесно-кинестетических аспектов символическими фигурами и вполне вписывается в условия естественных и привычных взаимоотношений, то автора интересует скорее то, как изобретается возможность предоставления своего «не-существующего» тела, или же «не-тела», его инсценировки. Если Бодрийяр провозгласил, что симулякр – это знак, скрывающий за собой отсутствие смысла, говоря о симулякре третьего порядка, то, перефразировав его, интерес смещается на симуляцию

телесных практик, то есть на симуляцию как на некий символический код, скрывающих за собой отсутствие тела. И задачей данной практики становится потребность продемонстрировать любыми средствами наличие отсутствующей телесности. Если в версиях классической философской традиции существовала шкала, предполагающая разделение действительности на истинную и ложную, говоря о вечном знании, как завещал Платон, то здесь эта шкала и разделение на истинность и ложность упраздняется, и на замену ей появляется тенденция создать мираж, силящийся максимально продуктивно провозгласить ложное истинным, выстроить аргументацию, «позволяющую пробудить или усилить сочувствие аудитории к предложенным на ее суд тезисам»⁶. В таком же формате по аналогии осуществляется более «не-дискурсивная» аргументация телом, но телом поддельным, несуществующем, или же существующем как мираж.

Во втором параграфе «Практики преодоления биополитики» раскрывается проблематика анализа вопроса о практиках телесности, которые в связи с трансформирующимся характером оказываемых в их сторону стратегий власти приобретают инновационный, схизмогенетических, адаптационных характер.

В складывающейся постиндустриальной цивилизации в силу развитых возможностей для досуга, тело становится ареной для творчества и экспериментирования со стороны самой личности, превращается в своеобразный полигон для апробации творческих идей, веяний моды и фантазий. Благодаря спорту, диетическим практикам и высокому уровню развития медицинских и косметических технологий личность эпохи постиндустриальной цивилизации начинает расценивать тело как личный проект, которому она может и даже обязана уделять время, средства и помыслы. Как в гедонистической, так и в аскетической перспективе, которые становятся здесь возможны, тело превращается в территорию, которая отвоевывается личностью у общества и культуры, с тем, чтобы представить его как ареал собственной субкультуры. Тело становится важной проблемой для индивидов, превращается в предмет разнообразных форм заботы, его стремятся испытать, чтобы этим оправдать свое собственное существование и обрести себя. Тело оказывается важной поверхностью для самовыражения личности.

Два основных инновационных критерия, наблюдаемых в связи с трансформирующимся характером стратегий власти, на которых как на приоритетных настаивает авторская позиция, - это латентность и мягкость. Интервенции, совершаемые в виде насилия со стороны политической власти в адрес индивидов, по большей своей части, носят весьма скрытый характер и зачастую воспринимается народонаселением как некое поощрение, намеренно созданное для упрощения их жизнедеятельности. В процессе включения функций миметического характера при взаимодействии со стратегиями власти, у индивидов начинает активизироваться некий иммунологический резерв, приводящий их к перекодированию схемы действия своих практик и присваивая

---

⁶ С. Perelman, L. Olbrechts-Tyteca. The new rhetoric: A treatise on argumentation. Notre Dame: University of Notre Dame Press. 1969. P. 566.

ему более скрытый характер, поэтому политическая власть здесь приобретает амбивалентный статус: и как инстанция, осуществляющая насилие над телом; и как инстанция, инвестирующая в индивидов первичный импульс для запуска схизмогенетических механизмов. Характер практик телесности, осуществляемых в качестве ответной реакции на более традиционные, еще не прошедшие процесс трансформации, стратегии власти, всегда носил оттенок жесткости. Однако стратегии власти менее традиционного характера, сформировавшиеся под влиянием эпохи более современного общества, уже не допускают подобного устаревшего способа действия, что приводит индивида к некоему состоянию фрустрации утилитаристского характера. В связи с этим обстоятельством, происходит необходимое изменение практик телесности, а именно, появляется дополнительный аспект в их функционировании – мягкость. Жесткость, неприкрытое сопротивление и оппозиционный характер устаревших практик телесности сменяется мягкостью ухода, изменения вектора направления действия для избежания точек соприкосновения более инновационных и продуктивных телесных практик.

В Заключении подводятся итоги исследования, формулируются выводы и раскрываются возможные перспективы дальнейших научных изысканий.

Основные положения диссертации отражены в следующих научных публикациях автора:

Публикации в изданиях, входящих в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук:

1. Татьяна, О. О. Телесность в структуре социального пространства / О. О. Татьяна // Аспирантский Вестник Поволжья. Серия: Философские науки. 2017. - № 3-4. – С. 74-81.

2. Татьяна, О. О. Рецепция взглядов Г. Тарда в современном социально-философском дискурсе / О. О. Татьяна // Известия Саратовского университета. Новая серия Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. — Т.18.— Вып. 3. —С. 282-287.

Публикации в других изданиях:

3. Татьяна, О. О. Понятие телесности в политической философии Мишеля Фуко / О. О. Татьяна // Философия времени: онтологические начала и ценностные дискурсы. Сборник научных трудов Всероссийской конференции VII Аскинские чтения / под ред. Профессора В.Б. Устьянцева. – Саратов: Издательство «КУБиК», 2017. С. 203-208.

4. Татьяна, О. О. Социально-пространственная интерпретация телесности / О. О. Татьяна // Общество-Человек-Риски. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / Под редакцией проф., д. ф. н. М. О. Орлова. – Саратов: ИЦ «Наука», 2017. С. 53-55.